

Смольный институтъ и его роль въ исторіи женскаго образованія въ Россіи.

Первое по времени своего основанія женское учебное заведеніе въ Россіи, Смольный институтъ, недавно праздновало свой столѣтній юбилей въ лицѣ одной изъ составныхъ своей частей—Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Другая часть его—Александровскій институтъ, возникшій изъ Мѣщанскаго училища, основаннаго въ 1764 г. императрицей Екатериной одновременно съ Воспитательнымъ Обществомъ, почему-то въ юбилей этомъ не участвовалъ, совмѣстно съ аристократической своей сестрою, быть можетъ именно вслѣдствіе различнаго, плебейскаго своего происхождения, скромно ступенькаясь въ ореолъ славы старшей сестры. Для исторіи женскаго образованія однако и Воспитательное Общество, и Александровскій институтъ имѣютъ одинаковую важность и значеніе, и пока Смольный институтъ въ развитіи этихъ двухъ своихъ учрежденій представлялъ собою одно цѣлое, опредѣляя тѣмъ задачи женскаго образованія въ Россіи не для одного только класса русскаго общества,—до тѣхъ поръ только онъ и былъ „образцовымъ“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова учебнымъ заведеніемъ для всей сѣти русскихъ женскихъ учебныхъ заведеній, учреждавшихся по его образцу на основаніи его педагогической практики. Отъ него пошли и заведенія для „благородныхъ“ дѣвицъ, и заведенія для „разночинныхъ“ подъ широкимъ и просвѣщеннымъ руководствомъ супруги императора Павла, императрицы Маріи Ѳеодоровны, тридцать два года управлявшей Смольнымъ институтомъ (1796—1828 г.). Время императрицы Маріи Ѳеодоровны было поэтому золотымъ временемъ Смольнаго института, когда онъ дѣйствительно по своей дѣятельности стоялъ

во главѣ русскаго женскаго образованія. Марія Ѳеодоровна развитіемъ сѣти женскихъ заведеній, по образцу Смольнаго, практически, сообразно потребностямъ времени, осуществила мысли великой его основательницы, императрицы Екатерины II, въ заботахъ своихъ о женскомъ образованіи и воспитаніи не отдѣляя интересовъ „благородныхъ“ дѣвицъ отъ „разночинныхъ“ и созидая системы воспитанія какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. „Дворянство и мѣщанство, писала Императрица Марія Ѳеодоровна, вступая въ управленіе Смольнымъ, оба имѣютъ одинаковое священное право на благодѣянія монарха, на заботы, которыя мы прилагаемъ къ нимъ, но каждое въ своей сферѣ“. Этимъ объяснялась разница въ постановкѣ учебно-воспитательной части въ обоихъ отдѣленіяхъ Смольнаго, введенная императрицей. „Вижу, объясняла она свои распоряженія по этому поводу, большія неудобства въ смѣшеніи благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанками, ибо несомнѣнно, что обязанности и назначеніе послѣднихъ во многихъ отношеніяхъ различается отъ обязанностей и назначенія благородныхъ дѣвицъ; поэтому смѣшивать ихъ въ воспитаніи значитъ вредить имъ обѣимъ, ихъ отношенія совершенно различны и пріобрѣтеніе талантовъ и пріятныхъ для общества искусствъ, которое существенно въ воспитаніи благородной дѣвицы, становится не только вреднымъ, но и пагубнымъ для мѣщанки, ибо это ставитъ ее внѣ своего круга и заставляетъ искать опаснаго для ея добродѣтели общества. Если же, напротивъ, воспитаніе благородныхъ дѣвицъ вмѣстѣ съ мѣщанскими приурочить къ ограниченному плану, необходимому для послѣднихъ, то потеря для первыхъ становится очевидною“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она желала сохранить въ Смольномъ институтѣ оба типа женскаго образованія. Вынужденная въ 1797 г. вслѣдствіе огромнаго количества желавшихъ поступить на „благородную“ половину Смольнаго, увеличить въ ней число штатныхъ мѣстъ съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ штата на мѣщанской половинѣ, императрица Марія въ слѣдующемъ же году основываетъ въ Петербургѣ специальный мѣщанскій Маріинскій институтъ на собственный свой счетъ, а чрезъ годъ, чтобы не упразднить мѣщанскаго училища въ Смольномъ, открыла новый „благородный“ институтъ, училище ордена св. Екатерины. Еще чрезъ нѣсколько лѣтъ открыты были женскіе институты обоихъ типовъ и въ Москвѣ. Эти новыя учебныя заведенія созданы были по образцу обоихъ отдѣленій Смольнаго института.

Въ вышедшей по поводу 150-лѣтняго юбилея Смольнаго института „Историческомъ очеркѣ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ“, къ сожалѣнію, совершенно не уяснена связь между „благородной“ и „мѣщанской половиной“ Смольнаго института, а ровно и причины любопытнаго для историка женскаго образованія явленія—упорнаго желанія двухъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государынь развивать оба типа женскаго образованія въ стѣнахъ одного и того же заведенія. Между тѣмъ, это желаніе имѣло свои основанія для развитія сѣти женскихъ учебныхъ заведеній для всей Россіи и вызывалось потребностями эпохи. Исторія Смольнаго института нельзя понять въ должномъ историческомъ освѣщеніи, ограничиваясь изложеніемъ исторіи одного изъ его отдѣленій, ибо Смольный пріобрѣлъ себѣ славу праматери женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи именно какъ разсадникъ женскаго образованія обоихъ типовъ, и самое сосуществованіе ихъ въ одномъ и томъ же заведеніи подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ не осталось безъ вліянія на каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Къ этой любопытной темѣ мы, можетъ быть, еще вернемся впоследствии.

Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ дороги были интересы и *Communauté* (Воспитательнаго общества), и мѣщанскаго училища: въ заботахъ о нихъ и личномъ своемъ вниманіи къ ихъ питомицамъ она не отдѣляла ихъ одно отъ другого. Но въ составѣ этихъ заведеній въ ея управленіе произошли многія перемѣны: въ *Communauté* принимались уже съ 1808 г. дѣвицы не изъ одного родового дворянства, но и дочери полковниковъ и статскихъ совѣтниковъ, хотя бы они были не изъ природныхъ дворянъ, а въ мѣщанское училище—дочери оберъ-офицерскихъ чиновъ—военныхъ до чина капитана и гражданскихъ до чина восьмого класса, а также дочерей купцовъ, священниковъ, медиковъ, учителей, художниковъ, не имѣющихъ штабъ-офицерскаго чина, но 50 мѣстъ изъ ста оставлены были исключительно для мѣщанскихъ дочерей. При общемъ стремленіи къ образованію составъ мѣщанскихъ воспитанницъ былъ, конечно, смѣшанный, не такъ однороденъ, какъ въ *Communauté*: въ числѣ принятыхъ были дочери придворныхъ лакеевъ, унтеръ-мастеровъ, служителей Воспитательнаго дома—и штабъ-лѣкаря; бабшачниковъ, портныхъ, конюховъ—и протопоповъ; подмастерьевъ—и учителей; почтальоновъ—и подпоручиковъ, нотариусовъ и т. п. Съ 1812 года въ мѣщанское училище пріемъ дѣвицъ сталъ строже: дочери дьяконовъ, канцеляристовъ, под-

мастеревъ уже не были допущены къ баллотировкѣ, а съ 1814 года, когда для обезпеченія участи военныхъ сиротъ при училищѣ образовано было военное отдѣленіе, большинство воспитанницъ училища стало составляться изъ дочерей низшихъ чиновниковъ военной и гражданской службы или личныхъ дворянъ.

Сообразно съ этимъ сословнымъ характеромъ обѣихъ половинъ Смольнаго, опредѣлялась цѣль воспитанія дѣвицъ, обучавшихся въ нихъ, и учебная программа. Для дѣвицъ *Communauté* воспитаніе носило характеръ свѣтскій, эстетическій, для мѣщанской—практической, утилитарной, приспособленной къ трудовой жизни. Но объединило воспитаніе благородныхъ и разночинныхъ общее требованіе, положенное въ его основу, образованіе ума, сердца и характера. „Если онѣ будутъ любить ученіе, трудъ и порядокъ, писала императрица, то могутъ надѣяться быть счастливыми женами и матерями, особенно если къ талантамъ и познаніямъ, какіе имъ даются въ заведеніи, присоединять хорошій характеръ“. Кромѣ языковъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, воспитанницы обучались Закону Божію, географіи, исторіи и ариѳметикѣ, съ тою разницей, что благородныя проходили еще въ старшемъ возрастѣ логику, геометрію, натуральную исторію, опытную физику и статистику; зато мѣщанскія, чтобы „учиниться добрыми хозяйками“, практически изучали хозяйство. Изученіе французскаго языка было на первомъ планѣ въ обоихъ отдѣленіяхъ, тѣмъ болѣе, что изъ мѣщанскаго училища императрица брала лучшихъ воспитанницъ для замѣщенія должностей классныхъ дамъ въ институтахъ; музыкѣ, танцамъ и рукодѣлію также отведено было по нѣскольку часовъ въ недѣлю. Но программа мѣщанскаго училища расширялась постепенно сама собой вслѣдствіе стремленія императрицы, чтобы ея воспитанницы съ успѣхомъ занимали мѣста учительницъ и гувернантокъ въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ. Особенно обращено было вниманіе на изученіе французскаго языка, знаніе котораго въ то время составляло предметъ первой необходимости. Въ самомъ институтѣ воспитанницы обязаны были говорить на немъ для практики даже между собою, въ ущербъ русскому языку, и нѣкоторые предметы, напр. географія, исторія и даже физика также преподавались на французскомъ языкѣ. Изыщнымъ искусствамъ: танцамъ, пѣнію, музыкѣ, рисованію, какъ искусствамъ свѣтскимъ, въ *Communauté* отводилось гораздо больше времени, чѣмъ въ мѣщанскомъ училищѣ, гдѣ преимущественно занимались рукодѣліемъ, для чего отводились дневные часы.

ИМПЕРАТРИЦА
МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.

Разумѣется, что показной, свѣтской стороной воспитанія и обученія воспитанницы *Communauté* отличались въ большей степени, чѣмъ ихъ мѣщанскія подруги. Ихъ образованіе имѣло литературный оттѣнокъ, сами онѣ приучались съ первыхъ шаговъ своихъ въ институтѣ къ умѣнью держать себя въ обществѣ. Ихъ обучали декламаціи, заставляли читать и писать стихи; разыгрывать музыкальныя пьесы и играть на сценѣ предъ избраннымъ обществомъ. Если вообще научное преподаваніе хромало въ институтахъ, такъ какъ хорошихъ учителей было немного, то умѣнье показать товаръ лицомъ, произвести пріятное впечатлѣніе на собравшихся любителей просвѣщенія было необходимою принадлежностію ихъ, особенно въ *Communauté*, куда являлись постоянно почетные русскіе и иностранные гости. Это умѣнье проявлялось на такъ называемыхъ публичныхъ экзаменахъ, въ большинствѣ случаевъ похожихъ на театральныя представленія, гдѣ пѣніе, декламація, танцы и музыка воспитанницъ, прельщавшихъ зрителей своей „юностію“ и „невинностію“, являлось лучшею аттестаціей „промышлявшаго о нихъ начальства“. Въ этомъ отношеніи мѣщанскія воспитанницы были несравненно ниже благородныхъ, даже потому что имъ не считали нужнымъ давать книгъ для чтенія. „Осмѣливаюсь сказать, доносилъ инспекторъ Смольнаго Малоземовъ въ 1810 году, что сіи воспитанницы (выпускныя мѣщанскаго училища), пользуясь гораздо меньшими способностями и образованіемъ себя, нежели благородныя и можетъ быть по предназначеніямъ своей судьбы не имѣя въ блистательныхъ (*sic*) знаніяхъ надобности, далеко въ оныхъ, а потому можетъ быть и умѣя (*sic*), отстали отъ первыхъ. Но многія очень при добромъ сердцѣ, послушаніи и посредственныхъ своихъ знаніяхъ могутъ стать по достоинству будутъ пользоваться (*sic* говорю изъ многихъ примѣровъ) лучшею несравненно участью, нежели онѣ, изъ какой щедротами Высочайшей покровительницы своей пріяты, и слѣдовательно вмѣстѣ съ симъ исполнять благотворительныя Ея намѣренія о ихъ благосостояніи“. Къ свѣтской жизни воспитанницы *Communauté* приучались на балахъ и празднествахъ, часто устраивавшихся въ Смольномъ институтѣ; на нихъ присутствовало лучшее петербургское общество и даже дипломатическій корпусъ. Кромѣ того, во второе воскресенье каждаго мѣсяца въ *Communauté* происходили *assemblées*, начинавшіяся съ ученическаго концерта и заканчивавшіяся баломъ, съ участіемъ знатныхъ особъ и почетныхъ гостей. Императрица давала въ эти случаи особныя указанія относительно

воспитанницъ. „Существенно важно, писала она начальницѣ, заботиться о внѣшности воспитанницъ, ихъ осанкѣ, о томъ, чтобы придать грацію ихъ тѣлу. Эти послѣднія качества, какими бы они ни казались пустыми, всегда придаютъ пріятность въ жизни и иногда доставляютъ прочное и продолжительное благосостояніе“. Въ дни собраній институтки обязательно должны были быть въ букляхъ. На праздникъ Смольнаго института въ 1809 г. воспитанницы танцевали балетъ, по словамъ извѣстнаго любезника того времени, графа Рибопьера, „оставившій за собою все, что ставилось въ Большомъ театрѣ, потому что дѣйствующими лицами были дѣвицы, которыя возбуждали сочувствіе по родству своему съ знатными особами и восхищали зрителей дѣвственной своей граціей“. Для надобностей *Communauté* при немъ состоялъ оркестръ изъ 12 музыкантовъ.

Таково было увлеченіе свѣтскою жизнью въ то широкое время, что ему не могла противостоятъ сама императрица, которая ясно сознавала, что большинству смолянокъ даже изъ *Communauté* предстояла жизнь, сопряженная съ трудомъ, заботами и даже нуждою. „Не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду ихъ состоянія и будущаго назначенія, писала она начальницѣ. Поэтому надо стараться отстранять отъ нихъ все, что противорѣчило бы этому состоянію и этому назначенію, все, что могло бы имъ внушить вкусъ къ этому приврачному міру, химерическимъ существамъ и экзальтированнымъ чувствамъ, къ этому прекрасному идеалу (*beau idéal*, который такъ часто вредитъ „дѣйствительному благу“ (*bien réel*)... Къ чему бы послужило блестящее воспитаніе, которое только увеличило бы непріятности ихъ положенія и привело бы къ тому, что это положеніе стало бы для нихъ невыносимо? Большинство этихъ дѣвицъ бѣдны, надо заранее приучать ихъ къ мысли о бѣдности. Многія будутъ жить въ деревняхъ: надо приготовить ихъ къ уединенію. У нѣкоторыхъ могутъ оказаться родители, не получившіе хорошаго воспитанія—пусть онѣ будутъ убѣждены, что надо научиться жить со всякаго рода людьми, лишь бы они были честны. Всѣ, по выходѣ изъ Общества, увидятъ себя окруженными примѣрами порока и соблазнами искушеній; поэтому надо ихъ такъ приготовить, чтобы въ критическую минуту испытаній, опасности и лишній всякаго рода онѣ не были захвачены врасплохъ, находя въ самихъ себѣ, благодаря запечатлѣнному въ нихъ глубокому уваженію къ религіи, основу добродѣтелей, опирающихся на вѣрѣ, и которая

сдѣлаетъ ихъ способными восторжествовать надъ препятствіями, встрѣченными ими на пути своей карьеры... Великое искусство воспитанія заключается въ томъ, чтобы научить ихъ такому способу мышленія, который позволялъ бы имъ находить въ самихъ себѣ и вокругъ себя всѣ свои удовольствія и всѣ свои радости“.

Эти наставленія императрицы Маріи Ѳеодоровны, равно какъ и многія другія ея распоряженія по нравственному и физическому воспитанію дѣтей, являющіяся, къ сожалѣнію, идеальными даже для нашего времени, не нашли себѣ почему-то мѣста въ „Историческомъ очеркѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ“, составленномъ ко дню его юбилея, несмотря на прекрасное знакомство автора съ архивнымъ матеріаломъ. За то авторъ его, г. Черепнинъ, отводитъ цѣлую главу—XXI—описанію развлеченій и празднествъ въ Смольномъ, утверждая, что яко бы „Императрица считала, что періодически (sic) устраиваемыя торжества и развлеченія не препятствуютъ работѣ, наоборотъ, давая отдыхъ отъ труда, временно отвлекая вниманіе въ совершенно иную область, освѣжаютъ (sic) силы воспитанницъ для дальнѣйшей серьезной работы“. Такъ какъ эти развлеченія требовали участія самихъ воспитанницъ и долгой предварительной подготовки этихъ маленькихъ пѣвицъ, музыкантшъ, танцорокъ и декламаторшъ, выступавшихъ предъ избранной публикой чуть не по два раза въ мѣсяцъ въ своего рода публичныхъ экзаменахъ, то приведенныя слова автора „Историческаго очерка“ являются своего рода насмѣшкой. Г. Черепнину слѣдовало бы подтвердить приписываемыя имъ императрицѣ мнѣнія, то, что „она считала“, ссылаями на подлинныя ея выраженія, а не приписывать ей свои объясненія, не выдерживающія никакой критики и противорѣчащія здравымъ педагогическимъ требованіямъ, которыя она высказывала въ своихъ инструкціяхъ начальницамъ того же Воспитательнаго Общества и въ своей съ ними перепискѣ. Въ другихъ институтахъ эти „развлеченія“ не допускались въ такой степени, какъ въ Воспитательномъ Обществѣ, и уяснить причины этого для г. Черепнина было бы важнѣе, чѣмъ дѣлать полсотню архивныхъ ссылокъ на то, какія именно почетныя лица посѣщали Смольный. Образъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, какъ воспитательницы, и ея педагогическія воззрѣнія заслуживали бы со стороны историка воспитательнаго общества бѣльшаго вниманія и разбора. Для этой цѣли автору „Очерка“ было необходимо сравнить жизнь Воспитательнаго

общества за время императрицы Маріи съ жизнью другихъ институтовъ, и тогда яснѣе бы сдѣлалось положеніе его какъ института „аристократическаго“. Много матеріаловъ для этого собрано уже въ извѣстной книгѣ г-жи Лихачевой: „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“, которая по сію пору является лучшей исторической работой о просвѣтительной дѣятельности императрицы Маріи. Г-жа Лихачева пробуетъ объяснить „аристократическое“ воспитаніе слѣдующими словами: „Хотя императрица очень заботилась о томъ, чтобы воспитанницы разныхъ ипститутовъ получали воспитаніе и образованіе соотвѣтственно ихъ будущему состоянію, но такъ какъ большинство ею основанныхъ институтовъ предназначалось для дочерей дворянства, то, при организаціи учебной части въ институтахъ по личной инициативѣ императрицы, она имѣла главнымъ образомъ въ виду воспитаніе дворянскихъ дѣтей, а образованіе мѣщанскихъ должно было имѣть характеръ профессиональный, т. е. готовить воспитательницъ и учительницъ въ частныхъ домахъ. Руководствуясь искреннимъ желаніемъ дать дворянкамъ самое лучшее образованіе и воспитаніе, императрица естественнымъ образомъ должна была находить это „лучшее въ томъ, какое получаютъ дѣвушки, принадлежавшія къ высшему кругу общества. Идеаломъ образованной дѣвушки этого круга была такая, которая отлично говорила по-французски и имѣла вообще литературное образованіе, въ остальномъ у нея не только могли, но должны были быть самыя поверхностныя знанія, ибо въ возрѣніяхъ этого круга на первомъ мѣстѣ стояла боязнь учености, подъ которою и теперь часто понимается сколько-нибудь основательное образованіе,—учености, бросающей, въ глазахъ людей свѣтскихъ, тѣнь смѣшного и скучнаго на человѣка вообще, а тѣмъ болѣе на женщину. Такое образованіе было совершенно достаточно для той жизни, къ которой готовились дѣвушки самаго высшаго круга, не въ институтахъ, даже въ Смольномъ, *они составляли ничтожное меньшинство*, а большинству предстояла не только жизнь „въ свѣтѣ и обществѣ“, но и болѣе трудныя задачи. Вотъ для нихъ казалось бы необходимымъ образованіе, направленное на воспитаніе внутренняго человѣка, такое, которое, развивая ихъ мыслительныя способности, пріучало бы ихъ думать и понимать окружающіе ихъ предметы, дѣлать не внѣшнюю ихъ сторону, а вникать въ ихъ сущность, однимъ словомъ, имѣющее цѣлью умственное развитіе воспитанницъ“... „Императрица, продолжаетъ г-жа Лихачева, часто говорила о

необходимости привить воспитанницамъ такія свойства, которыя сдѣлали бы ихъ способными найтись при трудныхъ обстоятельствахъ жизни, находить счастье въ самихъ себѣ и т. п., но достигнуть этого она считала возможнымъ привитіемъ воспитанницамъ скромности, покорности судьбѣ, довольства малымъ. Мысль о благотворномъ, именно въ этомъ смыслѣ, вліяніи развитого знаніемъ ума—ей не являлась, и данное ей направленіе женскому образованію прочно и надолго привилось въ институтахъ“.

Отъ „скромности, покорности, довольства малымъ“, конечно, далеко до тѣхъ „освѣжающихъ“ теорій, которыя приписалъ императрицѣ г. Черепнинъ. Но г-жа Лихачева права и въ томъ отношеніи, что „аристократизмъ“ Смольнаго она рассматриваетъ, какъ уступку императрицы требованіямъ времени, того высшаго общества, изъ котораго выходили нѣкоторыя смолянки, а не были плодомъ ея симпатій къ свѣтскому направленію воспитанія дѣвицъ, а также къ „освѣжающимъ“ развлеченіямъ, заполнявшимъ ихъ учебное время. Въ этомъ легко можно убѣдиться, если вникнуть въ положеніе другихъ институтовъ, зависѣвшихъ отъ руководства императрицы Маріи Ѳеодоровны, и сравнить ихъ жизнь съ жизнью воспитательнаго общества. Тогда получилась бы дѣйствительная историческая перспектива, которая показала бы, что „аристократизмъ“ и „освѣжающее“ направленіе въ институтахъ, господствовавшіе въ Воспитательномъ обществѣ, прочно и надолго утвердились отнюдь не по желанію Маріи Ѳеодоровны. На развитіе его въ воспитательномъ обществѣ имѣли вліяніе особенно начальницы его, близкія къ придворнымъ кругамъ (Адлербергъ), и вліятельныя лица, въ немъ жившія и хранившія традиціи первоначальнаго своего воспитанія въ Смольномъ при Екатеринѣ, исключительно свѣтскаго (Нелидова). Лица эти, сами отрѣшенные отъ дѣйствительной жизни, не замѣчали или не хотѣли замѣчать, что обѣднѣніе дворянства, даже высшаго, шло уже со временъ Александра I впередъ гигантскими шагами и что большинство смолянокъ, даже изъ записанныхъ въ шестую книгу и принадлежавшихъ къ титулованному дворянству, должны были готовиться не къ свѣтской, а трудовой жизни.

Императрица Марія Ѳеодоровна понимала это лучше ближайшихъ своихъ помощницъ. Задумавъ приготовить воспитанницъ институтовъ къ единственному тогда доступному для женщинъ роду общественной дѣятельности—къ педагогическому дѣлу, императрица начала учрежденіе педагогическихъ клас-

совъ именно съ Воспитательнаго Общества. Въ 1803 г. учреждая пепиньерскій классъ при обществѣ, она предписала оставить въ немъ изъ числа окончившихъ курсъ двѣнадцать воспитанницъ, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію и заслуживающихъ вниманія „по крайней своей бѣдности“ (par extrême pauvreté); на мѣщанской половинѣ классъ этотъ учрежденъ былъ лишь на три года позже. Цѣлью учрежденія пепиньеръ было приготовленіе хорошихъ классовыхъ дамъ для институтовъ, а также учительницъ и гувернантокъ въ частные дома. Но выборъ въ пепиньерки былъ очень строгъ, а знанія въ научныхъ предметахъ оказывались у смольянокъ невысокими, и не всѣмъ желающимъ можно было остаться при институтѣ въ пепиньерскомъ классѣ, такъ что заполнять комплектъ приходилось кандидатками изъ другихъ заведеній. Хотя на изученіе французскаго языка въ Смольномъ обращено было самое строгое вниманіе, но знаніе грамматики было плохое. „Даже выпущенныя изъ Смольнаго съ благородной половины съ золотою медалью писали по-французски съ большими ошибками“, пишетъ г-жа Лихачева. Вѣроятно, въ отвѣтъ на замѣчанія объ этомъ императрицы, ей писали: „мы и теперь не можемъ отвѣчать, что всѣ будутъ правильно писать по-французски: у насъ есть такія, которымъ никакъ не удастся понять грамматику“. Озабоченная слабыми успѣхами воспитанницъ, императрица писала начальницѣ Адлербергъ: „Мы должны, Mütterchen, хорошо учить, это самая главная и первая наша обязанность“. Не удостоенныя выбора въ пепиньерскій классъ воспитанницы должны были оставаться при знаніяхъ, вынесенныхъ ими изъ института.

Въ своемъ „Историческомъ очеркѣ“ г. Черепнинъ рисуетъ преподаваніе въ Смольномъ на должной высотѣ, основываясь на программахъ и инструкціяхъ. Этотъ методъ изслѣдованія, конечно, едва-ли цѣлесообразенъ. „Если основываться на программахъ женскихъ учебныхъ заведеній послѣдняго десятилѣтія жизни императрицы Маріи, говоритъ г-жа Лихачева, при условіи, конечно, что предписанный программами курсъ проходилъ серьезно, если имѣть въ виду усиленную заботу императрицы въ это десятилѣтіе объ ученіи воспитанницъ, хорошій выборъ инспекторовъ и учителей, то можно было бы ожидать, что воспитанницы институтовъ будутъ выходить изъ нихъ не только литературно образованными, но и съ достаточнымъ среднимъ общимъ образованіемъ... Но сущность дѣла не въ этомъ, а въ томъ, какъ преподавались и какія имѣлись въ виду цѣли

при преподаваніи воспитанницамъ научныхъ предметовъ“. И въ дѣйствительности, именно по отношенію изъ Воспитательному Обществу, гдѣ два раза въ мѣсяцъ „освѣжались“ и много времени употребляли на подготовку къ этому дѣлу, дѣло обстояло далеко не благополучно... Изъ донесеніи инспекторовъ классовъ: Малоземова, Лодія и Германа видно, что учебное дѣло двигалось очень плохо и вели его большею частью на показъ. Въ трехлѣтнемъ курсѣ приходилось только сто учебныхъ недѣль, учителя были плохи и думали только принаравливаться къ требованіямъ начальницы и классныхъ дамъ, а какія это были требованія, видно, между прочимъ изъ того, что учитель Соколовъ, избранный въ 1818 году на должность инспектора, не былъ утвержденъ по желанію начальницы Адлербергъ, находившей, что у него „нѣтъ достоинства во внѣшности“. Поступившій въ 1830 г. въ преподаватели Смольнаго проф. Никитенко засталъ еще тамъ учебное дѣло въ полномъ застоѣ и въ самыхъ неприглядныхъ условіяхъ. Разумѣется, что картины идиллическаго, казеннаго благополучія, рисуемая кистью г. Черепнина изъ жизни Воспитательнаго Общества, не относятся къ области исторіи и нуждаются въ другомъ освѣщеніи. Тогда только обнаружится, въ какой тяжелой обстановкѣ и съ какими сотрудниками приходилось работать императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и какихъ нечеловѣческихъ усилій ей стоило наладить учебно-воспитательное дѣло въ женскихъ заведеніяхъ, ею основанныхъ. Смольный институтъ—былъ единственный, не основанный ею, и поступилъ подъ ея управленіе, проживъ 32 г. въ Екатерининское время своею обособленною жизнью и создавъ за этотъ огромный для учебнаго заведенія промежутокъ времени свои особыя традиціи, съ которыми бороться было не легко даже Маріи Ѳеодоровнѣ. Управленіе ею Смольнаго института было для нея вѣчною, напряженной работой любящей матери надъ избалованнымъ ребенкомъ, успѣхамъ котораго она радовалась, быть можетъ болѣе, чѣмъ успѣхамъ другихъ ею созданныхъ учрежденій. Но въ этой кропотливой работѣ и вырисовывается истинный, величавый образъ Маріи Ѳеодоровны. Видимъ ли мы его въ „Очеркѣ“ г. Черепнина?

Доказательствомъ особой любви къ Смольному Маріи Ѳеодоровны является, между прочимъ, учрежденіе ею для него въ 1796 г. такъ называемой кассетной суммы, образовавшейся изъ ежегодныхъ пожертвованій самой императрицы и другихъ членовъ Царской Семьи. Императрица желала, чтобы ежегодныя пожертвованія каждаго изъ членовъ Царской Семьи про-

должались до тѣхъ поръ, пока проценты съ образовавшагося капитала изъ пожертвованій даннаго лица не будутъ равняться суммѣ ежегоднаго пожертвованія. Ежегодные расходы изъ кассетной суммы распредѣлялись пропорціонально на всѣ отдѣльные взносы. Ко времени кончины императрицы кассетная сумма возрасла до 1.000.000 руб. Въ массѣ ссылокъ, которыми снабжаетъ г. Черепнинъ свои свѣдѣнія объ образованіи кассетной суммы и кассетнаго капитала (оба эти понятія имъ смѣшиваются), мы не встрѣчаемъ однако указаній на повелѣніе императрицы Маріи Ѳеодоровны 1817 г. о выдѣленіи изъ кассетной суммы особаго капитала со спеціальной цѣлью въ 412.500 р. асс., представляющаго особую важность для опредѣленія цѣли принадлежащаго Воспитательному Обществу кассетнаго капитала и способа его употребленія. Желательно было бы видѣть это повелѣніе императрицы Маріи въ печати цѣликомъ.

Е. Шумигорскій.

